

Затем тот самый комментарий сам ответил себе под своим же сообщением: [Даже если меня никто не поддержит, моя любовь к Цяоцяо не изменится. Он никому не принадлежит, Ань Фан недостойн его.]

Такой, казалось бы, слегка невротичный комментарий среди волны оскорбительных и крайне грубых сообщений не выделялся особо, и никто не обратил на него особого внимания.

После церемонии открытия съёмок присутствовавшие актёры отправились делать фотографии в гриме. Всем артистам нужно было сначала загримироваться, а у таких главных героев, как Ань Фан и Юй Цяохай, обычно были отдельные гримёрки.

Закончив наклеивать Ань Фану накладные веки, гримёр ахнула и с извиняющимся видом посмотрела на него:

— Простите, Фан-гэ, тональный крем закончился, а запасной я забыла принести. Вы не могли бы немного подождать? Я схожу к соседям одолжу.

Ань Фан, занятый телефоном, не обратил на это особого внимания и просто махнул рукой. Гримёр, высунав язык, поспешно вышла.

Дверь гримёрки была не закрыта. Хэ Сичуань с нерешительным выражением лица стоял у входа и в конце концов вошёл. Ань Фан, опустив голову, листал Weibo. Хэ Сичуань, застыв, смотрел на его профиль, облизнув пересохшие губы. Сделав глубокий вдох, он уже собирался что-то сказать, как в этот момент Ань Фан мельком заметил его отражение в зеркале, и его расслабленное выражение лица мгновенно стало холодным.

Хэ Сичуань открыл рот, желая высказаться, но не успел, как дверь снова открылась. Вошедший был невысокого роста, густая чёлка и очки в чёрной оправе скрывали большую часть его лица. Увидев в комнате отдыха двух человек, он замер, и за мутными стёклами его глаз мелькнула странная тень.

Ань Фан, который уже собирался вспылить, теперь был вынужден сдерживать себя и проявить терпение.

Тот человек, гнуся, сделал пару шагов в сторону Ань Фана:

— Фан-гэ, ваше письмо.

— Кто его передал? — спросил Ань Фан.

Тот тупо покачал головой, его движения казались замедленными, как будто в замедленной съёмке, и он медленно проговорил:

— А... я пойду. Вы продолжайте заниматься своими делами.

Он даже не взглянул на Хэ Сичуаня, его взгляд был прикован исключительно к Ань Фану.

Хэ Сичуань почувствовал странное ощущение, чувство несоответствия.

Ань Фан взглянул на конверт. На нём чьим-то аккуратным почерком было написано его имя. Это была даже не печатная версия, что в наши дни действительно большая редкость.

Он уже собирался вскрыть конверт, как вдруг Хэ Сичуань что-то вспомнил и резко крикнул:

— Не открывай!

В комнате отдыха

Услышав окрик Хэ Сичуаня, Ань Фан остановил движение, уже начав рвать конверт.

Хэ Сичуань стремительно шагнул к Ань Фану, расстояние между ними мгновенно сократилось. Ань Фан тут же с отвращением нахмурился, но не успел заговорить, как Хэ Сичуань уже выхватил у него из рук конверт:

— Не открывай так опрометчиво. С тем человеком, кажется, что-то не так.

Бровь Ань Фана взметнулась вверх. Хэ Сичуань наскоро снял свою кожаную куртку, надел её на руки, засунув кисти в рукава, и только тогда при Ань Фане разорвал тот конверт.

Раздался лёгкий, довольно звонкий щелчок.

На пол упало окровавленное лезвие, а затем из вскрытого конверта выпорхнул белый листок бумаги. На бумаге кем-то неровным красным цветом было выведено четыре иероглифа:

«Сдохни, мразь!»

Кричаще-красный цвет, явно написанный какой-то жидкостью, высох, превратившись в отвратительный тёмно-красный оттенок. А то острое, сверкающее холодным блеском окровавленное лезвие было усеяно каплями крови.

Ань Фану сейчас было не до разборок с Хэ Сичуанем. Оба они, увидев эту вещь, одновременно побледнели.

Помощник режиссёра, услышав новости, вместе с ответственным лицом поспешил в гримёрку. Ван Чжао с мрачным лицом стоял посреди комнаты, сжимая в руке телефон, а гримёрша выглядела испуганной.

— Проверили, это не из нашей группы, временный работник. Не знаем, как он проник сюда.

Режиссёр прямо взорвался от гнева:

— Чёрт возьми, разве у временных работников нет регистрации? Чем занимается отдел кадров? Пусть катится сюда!

В гримёрке поднялся шум, стало неразберихой.

Хотя режиссёр уже излил свой гнев, это не означало, что Ван Чжао промолчит. Лицо Ван Чжао было крайне мрачным. Он прямо смотрел на ответственного лицо, и его тон был весьма серьёзным:

— Режиссёр, это дело, пожалуйста, расследуйте досконально. Мы не знаем, было ли на лезвии что-то вроде вируса ВИЧ. Если это действительно СПИД, а Ань Фан, к несчастью, с ним соприкоснётся, насколько ужасны будут последствия, вы, думаю, понимаете лучше меня.

Ответственное лицо непрерывно кивало, его выражение лица также было суровым.

У всех лица были очень нехорошими. В это же время под постом Сюй Хайцяо в Weibo появился новый комментарий: [Жаль, на этот раз не получилось. Но будьте спокойны, Цяоцяо по-прежнему будет нашим. Сдохни, мразь.]

Однако и на этот раз этот комментарий остался незамеченным.

В это время в гримёрке

Поскольку реального ущерба причинено не было, Ван Чжао, как бы ни был зол в душе, не мог устроить слишком уж неприятную сцену — всё-таки нужно было сохранить лицо перед ответственным лицом. Поэтому, высказавшись, он, кроме как попросить Ли Хая и Сиси по возможности быть рядом с Ань Фаном и проявлять бдительность, мог лишь сделать вид, что ничего не произошло.

И из-за этого инцидента расписание на вторую половину дня завершилось досрочно.

Ань Фан специально наказал Ван Чжао не рассказывать И Хуаю. Ван Чжао лишь горько усмехнулся:

— Я и сам не хочу сообщать господину И. Если господин И узнает об этом деле, он точно разозлится.

Однако И Хуай всё же узнал и, что было редкостью, лично приехал на съёмочную площадку. Но время прибытия И Хуая оказалось весьма удачным.

Ань Фан вышел из киногородка и направился к парковке за пределами площадки. Не пройдя и нескольких шагов, его остановили. Остановившим был не кто иной, как Хэ Сичуань.

Хэ Сичуань умоляюще смотрел на Ань Фана:

— Давай поговорим пару слов, ладно? В знак того, что я только что спас тебя.

Эти наглые слова Хэ Сичуаня заставили Ань Фана рассмеяться от злости. Этот человек действительно, как собака, не меняет своих привычек. Если бы он этого не сказал, возможно, у Ань Фана ещё остались бы какие-то мысли, но, сказав это, он лишь добавил отвращения.

Меркантильность Хэ Сичуаня действительно ничуть не изменилась.

Однако, как бы тот ни был бесстыден и нагл, Ань Фан, честно говоря, действительно не мог поступить так. Анализ показал, что на лезвии присутствовал вирус, и это лезвие находилось всего в сантиметре от края запечатанного конверта. Если бы Хэ Сичуань не крикнул вовремя, Ань Фан наверняка уже порезался бы.

Поэтому, как бы Ань Фан ни ненавидел Хэ Сичуаня, он не мог просто развернуться и уйти.

Взгляд Хэ Сичуаня жадно скользил по нетерпеливому Ань Фану перед ним. Уже то, что его не прогнали, вызывало у него волнение. Хэ Сичуань успокоил сердце, заставил себя отвести взгляд и попытался найти хорошее начало для разговора.

— ...Ты в последнее время тоже сталкиваешься с подобными вещами, обязательно будь осторожен. Популярность приносит проблемы, — сказал Хэ Сичуань.

Услышав это, Ань Фан смерил Хэ Сичуаня взглядом с ног до головы. Взгляд его был многозначительным, в глазах сверкали холодные искры, а уголки губ насмешливо изогнулись:

— Хэ Сичуань, когда ты превратился в такую няньку? Раньше ты ведь был таким самовлюблённым, способным на всё.

Хэ Сичуань горько усмехнулся:

— Не скажи я этого, ты бы и разговаривать со мной не согласился.

Ань Фан ответил:

— Говорить не о чем. Ты использовал меня, чтобы подняться, и дошёл до сегодняшнего положения — это уже неважно. — Ань Фан сделал паузу, отвернулся. Машин на парковке было немного, она казалась пустынной. Ань Фан сжал губы, и голос его стал тише:

— Ты не должен был причинять боль Чицину.

— Я... — Хэ Сичуань запнулся.

Он и сам не хотел причинять боль Линь Чицину, но тогда это был сам Линь Чицин проявил инициативу! Он любил только Ань Фана, но разве мог он знать, что Линь Чицин будет так настойчив... что он не устоит перед искушением... что... что согласится быть с Линь Чицином.

— Я... я с ним расстался! Ань Фан, я с ним расстался! — Хэ Сичуань, словно пытаясь что-то доказать, возбуждённо воскликнул.

Ответом Ань Фана стал ещё более полный отвращения взгляд. То красивое лицо казалось чужим и отстранённым. Так же, как и его голос:

— Честно говоря, я невероятно рад, что Чицин ушёл от такого отброса, как ты. Кроме того, я не хочу больше иметь с тобой никаких контактов. Поэтому надеюсь, ты будешь держаться от меня подальше. У меня теперь есть хозяин.

Эти слова вызвали в глазах Хэ Сичуаня явную вспышку ярости. Он опустил голову, тяжело дыхнул, подавляя внутренний гнев. Хэ Сичуань облизнул пересохшие губы:

— Ань Фан, ты даже не попробовал, а уже считаешь, что я не подхожу. Ты просто предвзята из-за истории с Чицином!

— Я говорил, чтобы я больше не слышал имя Чицина из твоих уст. — Ань Фан резко прервал речь Хэ Сичуаня, в его глазах стояла мгла. Он холодно скользнул взглядом по Хэ Сичуаню:

— Ты недостойн.

<http://bllate.org/book/16314/1472339>